

М. К. Мовчан

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВЫХ СВЯЗЕЙ В ЗАПАДНО-И ВОСТОЧНОГЕРМАНСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ (НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

В статье рассматриваются возможные в историческом нарративе смысловые связи между событиями. На материале западно- и восточногерманских историографических текстов устанавливаются наиболее широко распространенные в историческом нарративе связи: причинно-следственные, телеологические, тематические, эмоциональные. Указанные смысловые связи выражены как эксплицитно, так и имплицитно. С точки зрения содержания установлены наиболее распространенные типы связей: процесс через процесс (в историографии ГДР: при этом под процессами могут пониматься общие законы), событие через событие, идея через идею, состояние через действие и др. (в историографии ФРГ).

Ключевые слова: дискурс, нарратив, биография, логические связи, каузальность.

M. Movchan

LOGICAL CONNECTIONS IN WEST AND EAST GERMAN HISTORICAL NARRATIVES: A STUDY OF BIOGRAPHICAL TEXTS

The article explores possible logical connections between the events in a historical narrative. The analysis of West and East German historical texts allowed to identify the most common types of connections in historical narratives: causative and consecutive, teleological, thematic and emotional. The said logical connections are expressed both explicitly and implicitly. As regards the content, the most common types of connection include: process explained on the basis of process (in East German historiography, where the “processes” may represent universal laws), events explained on the basis of events, ideas on the basis of ideas, states on the basis of actions, etc. (in West German historiography).

Keywords: discourse, narrative, biography, logical connections, causality.

Под нарративом, многогранным и широко распространенным в обществе явлением, понимается повествовательный текст, содержащий информацию о событиях [12, с. 95]. Для полного понимания такой актуальной разновидности нарратива, как нарратив исторический, следует прежде всего различать повествование и хронику. Если хроникой является простое перечисление событий (как минимум двух), то для того, чтобы хроника стала нарративом, события должны быть связаны между собой: временной и какой-либо другой связью [22, с. 43, 53] (ср. [13, с. 79; 16, с. 451–452; 18, с. 30; 20, с. 87; 24, с. 25]). Наиболее очевидный пример подоб-

ной «другой» связи — причинно-следственная связь [9, с. 81, 94; 22, с. 51].

Однако с этой связью в историческом нарративе дело обстоит неоднозначно. Идеальная каузальность основывается на универсальных законах, которыми объясняются отдельные события [22, с. 51–52]. К.-Г. Гемпель предлагал называть такие объяснения дедуктивно-номологическими [21, с. 47–49]. Однако, если верить У. Дрею, такая связь между событиями не может иметь места в историческом нарративе, поскольку к каждому историческому событию или социальному явлению применяется отдельное объяснение, не выводимое ни из какого закона [10, с. 38]. В част-

ности, действия исторических личностей объясняются мотивами и волей [10, с. 42–44]. Поскольку знание о мотивах связано со знанием психологии, с представлениями о человеческом опыте, модель объяснения и повествования по У. Дрею следует считать нарративной [19, с. 59–60]. Кроме того, У. Дрей признает в изложении исторических событий наличие точки зрения, без которого не может быть повествования, а также наличие оценочности, также присущей нарративу [10, с. 46, 52].

Объяснение не через общие законы, а через выполняемые условия называется в разных исследованиях по-разному: вероятностным или вероятностно-статистическим [21, с. 49–50], частичной каузальностью [22, с. 52], квазикаузальным объяснением, индуктивно-вероятностным объяснением [8, с. 51, 118], единичным причиновменением [12, с. 212]. Именно такие объяснения используются в историческом нарративе: не универсальные, а действительные для конкретных событий [15, с. 274; 22, с. 51–52].

Однако не все философы истории признают отсутствие номологических объяснений в историографии, в частности, об их наличии говорит М. Вебер. Тем не менее и его взгляды представляются компромиссными: закономерности в ходе истории, по Веберу, есть «эмпирические правила», выводимые из человеческого опыта, из типичного поведения людей [7, с. 473]. По П. Рикёру, в историческом нарративе наравне сосуществуют и объяснения через закономерности, и примеры единичного причиновменения: историограф конструирует связи между событиями сообразно нарративной интриге, выстраивая собственный ракурс [12, с. 219–221; 8].

Однако каузальная / квазикаузальная связь не является единственным типом смысловой связи в повествовании. Помимо нее, нарратологи выделяют иные связи: телеологическую [22, с. 58; 24, с. 152], тематическую [22, с. 61] (ср. также [11, с. 96]), противопоставительную [24, с. 25, 243], пространственную [23, с. 75] и эмоциональную [22, с. 58; 25].

Под последним типом связи следует понимать не только чувства персонажа по поводу происходящих событий, но и его планы и интенции [22, с. 58].

Стоит отметить, что при нарративном анализе исторических текстов необходимо различать *post hoc* и *propter hoc*. Линейный порядок событий в нарративе не подразумевает наличие смысловой связи между этими событиями. Это важно и потому, что смысловая связь в отдельных случаях выражается имплицитно, без использования соответствующих лексических и грамматических средств [22, с. 54] (ср. [17, с. 231]).

В биографическом нарративе имеют место прежде всего каузальные и телеологические связи между событиями. При анализе немецкоязычных исторических текстов установлено, что и в западно-, и в восточногерманских исторических нарративах преобладают каузальные связи. Они реализуются при помощи различных лексических средств со значением причины и следствия (союзы, наречия, имена существительные, глаголы) и словообразовательных средств (суффиксы *-halber* и *-gemäß*). Например:

„Sie [Die Auseinandersetzung mit dem Leben. — M. M.] stellte die Suche nach dem eigenen Lebensweg... in Zusammenhdnge, die ihrem Wesen nach iberindividueller und eminent politischer Natur waren. Denn es gab ... dem Scheitern im bürgerlichen Lebenssinn zugleich die Qualität der Treue zum Herkommen und der Bewahrung des väterlichen Erbes“ [4, с. 33] (союз *denn* со значением причины);

„Kurfürst Joachim von Brandenburg, Herzog Heinrich der Jüngere von Braunschweig und Herzog Georg von Sachsen verboten ihren Untertanen den Besuch der Universität Wittenberg. Viele Studenten verließen daraufhin die Stadt“ [2, с. 277] (наречие *daraufhin* передает здесь и *post hoc*, и *propter hoc*, совмещая таким образом два типа связи: каузальную (следствие) и темпоральную; в данном случае историограф представляет уход студентов из Виттенбергского университета как реакцию на действия противников Реформации);

„So erleben wir in Preußen das verblüffende Schauspiel, dass hier die Aufklärung nicht wie in allen anderen Ländern Europas zu einer langsamen Aushöhlung des Absolutismus führte, sondern der Errichtung des schrankenlosesten Absolutismus diente, den die europäische Geschichte kennt“ [1, с. 112] (глагольный оборот *führen zu* и глагол *dienen*, оба передающие значение следствия);

„Zu langes Zögern und ein Warten auf die Befehle des Königs waren die Gründe dafür, dass den Österreichern wichtige Positionen in die Hände fielen und die preußische Armee von bedeutenden Magazinen abgeschnitten wurde“ [6, с. 120] (существительное *Gründe* (значение причины));

„...Luther... konnte... krankheitshalber nicht reisen“ [2, с. 416] (значение причины);

„Von allen Positionen musste die Politik der bewaffneten Neutralität, die formell seiner eigenen am nächsten kam, Bismark naturgemäß am unsympathischsten sein“ [4, с. 184] (значение причины).

Каузальная связь также реализуется при помощи конструкций и устойчивых сочетаний типа *Rolle spielen, aus... Grund (Gründen), je... desto, etw. ein Ende machen, vom Zaune brechen* и др. Например: „...kam jener Mann [Roon. — М. М.] in eine entscheidende politische Position, die bei der Berufung Bismarcks... eine zentrale Rolle spielen sollte“ [4, с. 235] (значение самой важной из причин).

Как в западно-, так и в восточногерманском историческом дискурсе распространенными являются и иные типы смысловой связи: телеологическая (реализуется при помощи существительных (например, *Ziel, Zweck*) и лексико-грамматических конструкций (*um... zu*)), а также тематическая и эмоциональная. Как «тематические связи» можно охарактеризовать объяснения событий и явлений, основанные на идеях, присущих историческим деятелям. Построенными на тематических связях можно считать биографии Мартина Лютера, в которых повествование о его жизни и деятельности неотделимо от изложения его богословских взглядов и цитиро-

вания его работ, прямого или косвенного. В частности, эта композиционная особенность находит отражение в сильной позиции: в заголовке биографии Лютера, написанной восточногерманским историком Г. Брендлером: *Martin Luther. Theologie und Revolution* [2]. Сам заголовок иллюстрирует тематическую связь между идеями Лютера (его теологией) и событиями, в которых он принимал участие (под «революцией» подразумевается как Реформация, так и изменения в обществе в целом; эту связь также можно охарактеризовать как тематическую).

Что касается эмоциональных связей, в их основе не обязательно лежат эмоции. Эти связи могут основываться просто на мыслях и намерениях персонажей. Например: „[Friedrich]... erklärte... „in Zukunft keine Katze mehr angreifen“ zu wollen. Das bedeutete nicht, dass er seine weitergesteckten Pläne aus der Kronprinzenzeit aufgegeben hätte. Er beabsichtigte lediglich, nicht mehr mit offenen aggressiven Mitteln vorzugehen“ [6, с. 83] (значение намерения передает глагол *beabsichtigen*, объясняющий с точки зрения историографа эмоциональную по своему характеру цитату Фридриха о его намерении. Данный отрывок также содержит предотвращение возможного неверного толкования этой цитаты, чему способствует сослагательное наклонение).

При этом в историографии ГДР эмоциональные связи преобладают над телеологическими, в то время как в западногерманских текстах данные типы связи получают равное распространение. Наименее широко распространены темпоральные связи. В большинстве случаев они сочетаются с каузальными (ср. пример с *daraufhin*).

Связи в немецкоязычном историографическом нарративе реализуются как эксплицитно (при помощи лексики (союзов, предлогов, глаголов, существительных, прилагательных), в том числе фразеологических оборотов, лексико-грамматических конструкций и словообразовательных средств), так и имплицитно (на смысловом уровне). Например: „Auf eine Belagerung großen Stils

war die preußische Armee nicht vorbereitet. Sie besaß nicht genügend Artillerie und erst recht nicht genügend Belagerungsgeschütze“ [1, с. 77] (имплицитно выраженная причинность: оба предложения можно связать союзом типа *denn*).

Близка к имплицитности следующая наблюдаемая тенденция: выразительные средства (повторы, параллелизм) могут получать дополнительную смысловую нагрузку, передавая также значение причинности. Например: „Es war nicht das Alter des Herrschers, das den Kriegereignissen des Jahres 1778 seinen Stempel aufprägte, sondern das „Alter“ des feudalabsolutistischen Regimes“ [6, с. 195] (посредством повтора не только реализуется каузальное значение, но и подчеркивается бульшая глобальность объяснения, чем можно было бы предположить); „Aber wo Rauch, ist auch Feuer (und sei es noch so verdeckte Glut), und wo ein Gerücht, ist auch Unruhe, selbst wenn sie sich nicht in dramatischer Weise zeigt“ [3, с. 39] (обыгрывание фразеологизма при объяснении народных волнений в имени Бисмарков).

Говоря о наложении причинных и эмоциональных связей, следует также отметить, что существительные, сами по себе не имеющие значения логической связи, могут приобретать такое значение в контексте. Например: „Er [Bismarck. — M. M.] konnte... als Symbolfigur gelten für die Zerstörung aller nationalen Hoffnungen und Erwartungen, für die schmachvolle Unterwerfung Preußens unter den Vormachtsanspruch des reaktionären und antinationalen Österreich, für die Preisgabe sogar der friderizianischen Tradition einer eigenständigen preußischen Großmachtspolitik“ [4, с. 136]. Здесь объясняется тенденция в историческом развитии, и за счет таких патетических выражений, как *Symbolfigur*, *Zerstörung aller nationalen Hoffnungen und Erwartungen*, *eigenständige preußische Großmachtspolitik*, высказывание приобретает яркую эмоциональную окраску. На эмоциональное восприятие влияет и параллель, проведенная между политикой Бисмарка

и Фридриха II (*friderizianische Tradition*), причем традиции Фридриха оценены историографом положительно.

Логические связи в историческом нарративе важно рассмотреть не только с позиции формы, но и с содержательной стороны. Проанализировав, что именно лежит в основе связей (события, интенции, попытки вывести общий закон и др.), мы вывели несколько комбинаций возможных связей в историческом дискурсе ГДР и ФРГ (см. табл. 1).

При более детальном анализе комбинаций установлено следующее. Во всех текстах, принадлежащих историографам из ГДР, наиболее часто встречается каузальная связь типа «процесс через процесс». Также в восточногерманских биографиях распространены объяснения «событие через событие», «идея через идею», «состояние через состояние», «процесс через состояние», «состояние через событие», «процесс через идею» и «идея через процесс». В историческом дискурсе ФРГ преобладает несколько типов комбинаций: «событие через событие», «идея через идею», «состояние через действие», «процесс через процесс», «состояние через состояние» и «состояние через событие». Следовательно, наиболее распространенные объяснения связываются с событиями и процессами, состоянием общества и идеями исторических личностей.

Важно отметить, что в причинной связи «...через процесс» компонент «процесс» может означать как отдельные факторы и условия, так и некий общий закон исторического развития, который историограф попытался выделить. В большей мере это характерно для историографии ГДР. Например: „...es bedurfte in Deutschland noch einer Entwicklung von etwa dreihundert bis dreihundertfünfzig Jahren, bis die für den Kapitalismus charakteristischen und wesensbestimmenden Grundklassen Bourgeoisie und Proletariat voll ausgeprägt waren und ihr Kampf Klasse gegen Klasse zum Drehzapfen allen gesellschaftlichen Geschehens wurde“ [2, с. 12] (подчеркнута

лексики, относящаяся к марксистско-ленинской сфере и несущая идеологическую окраску). Здесь в духе учения о классовой борьбе (дедуктивно-номологический закон) рассматриваются исторические процессы в эпоху Реформации.

В связи с возможностью номологических связей отдельно следует рассмотреть сочетания со словом *Kraft / Kräfte*. В западногерманских исторических текстах они обозначают либо действия отдельных личностей, либо политические объединения людей, например: „...war... eine ganz neue Entwicklung in die Bahn gelangt. Ihre treibende Kraft war Felix Fürst zu Schwarzenberg“ [4, с. 108] (о возникновении консервативной партии под эгидой конкретного человека). В восточногерманских текстах слово *Kraft / Kräfte* может также обозначать общие законы исторического развития согласно политической идеологии ГДР. Например: „Erst die Erschütterungen der Französischen Revolution weckten Kräfte für eine spätere nationalstaatliche Entwicklung...“ [6, с. 200].

Если понимать идеологию как оценку, то объяснение через оценку и с использованием оценки также достойно рассмотрения. Выявлено, что параметр оценки в типе объяснения более характерен для историографии ФРГ. Например: „1767 ging Philipp Emanuel Bach nach Hamburg, weil er die sterile Atmosphäre des Berliner Musiklebens nicht länger ertragen konnte“ [1, с. 145]. Поведение немецкого композитора, сына знаменитого И. С. Баха, объясняется эмоционально, и при этом отрицательная оценка «стерильной атмосферы» музыкальной жизни Берлина переносится на всю политическую жизнь Берлина при стареющем Фридрихе II.

Отдельные объяснения (каузальные и телеологические) связываются с особенностями исторических личностей: их происхождением, качествами и намерениями. Такие объяснения более распространены в западногерманском историческом дискурсе, чем в восточногерманском. Однако особый интерес представляет объяснение через проис-

хождение личности: в историческом дискурсе ГДР они окрашиваются идеологически и связываются с более глобальными процессами (классовой борьбой), в то время как в историографии ФРГ такие объяснения остаются на уровне единичного причиновменения. Ср. биографии М. Лютера: „Luther hatte seine Mentalität... auf seine bäuerliche Herkunft zurückgeführt“ [5, с. 17] (ФРГ: объяснение менталитета через происхождение в отдельном случае); „Aus der Herkunft Luthers ergibt sich somit für die allmähliche Herausbildung seiner Klassenposition eine Beziehung zu den Vertretern der damals modernsten Produktionsweise...“ [2, с. 343] (ГДР: применение официальной идеологии).

Близки к данному типу и объяснения через идеи и эмоции, например: „Friedrich Wilhelm IV. hielt... aus reinem Prestigedenken immer noch an den Unionsplan fest: Ende September ernannte er Radowitz... demonstrativ zum Leiter der preußischen Außenpolitik“ [4, с. 120] (действия короля объясняются его мыслями о престиже). Соотношение объяснения через идеи и оценку в западно- и восточногерманском историческом дискурсе приблизительно равнозначно.

Следовательно, нарративное высказывание, помимо изложения событий, обязательно содержит связи между ними: как темпоральные, так и смысловые (в частности, каузальные, телеологические, тематические, эмоциональные). Согласно утверждениям нарратологов, в исторических текстах события объясняются не через общие законы, а через конкретные обстоятельства каждого случая (единичное причиновменение). Однако биографический дискурс (в частности, восточногерманский) опровергает эти выкладки: историографы ГДР объясняют события не только путем единичного причиновменения, но и при помощи общих законов (дедуктивно-номологический способ) на основе официальной идеологии.

И в западно-, и в восточногерманском историческом дискурсах преобладают (квази) каузальные связи, наименее широко распро-

странены темпоральные. Также наличествуют телеологические, тематические и эмоциональные, при этом в восточногерманской историографии эмоциональные связи оказываются более распространенными, чем телеологические. Как видно, причинные связи являются наиболее значимыми.

С позиции содержания отмечено, что для восточногерманского дискурса характерны объяснения процессов через процессы, за-

частую с идеологической окраской. В западногерманском историческом нарративе наиболее часто встречаются объяснения «событие через событие», «идея через идею», «состояние через действие», «состояние через состояние» и «состояние через событие». Также установлено, что объяснения через оценку и личностные характеристики исторических персоналий более типичны для исторического дискурса ФРГ.

Таблица 1

Элементы повествования, между которыми в западно- и восточногерманском историческом нарративе отсутствует смысловая связь

Событие Действие / поведение Процесс Состояние Итерация Идея Намерение Характер / личностная характеристика персонажа Эмоции / чувства Оценка Труд (написанный) Интерпретация событий Возможность (выраженная сослагательным наклонением)	через	событие действие процесс состояние итерацию идею намерение характер / личностную характеристику эмоции оценку / мнение интересы качества происхождение (персонажа) труд закономерность возможность
---	-------	---

ИСТОЧНИКИ

1. *Aretin K. O. von. Friedrich der Große. Größe und Grenzen eines Preußenkönigs.* Freiburg: Herder, 1985. 173 S.
2. *Brendler G. Martin Luther: Theologie und Revolution.* Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1983. 452 S.
3. *Engelberg E. Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer.* München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1991. 711 S.
4. *Gall L. Bismarck: Der Weiße Revolutionär.* München: Ullstein, 2002. 926 S.
5. *Kantzenbach F.-W. Martin Luther. Der bürgerliche Reformator.* Göttingen: Musterschmidt, 1972. 104 S.
6. *Mittenzwei I. Friedrich II. von Preußen. Eine Biographie.* Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1987. 250 S.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

7. *Вебер М. Избранные произведения.* М.: Прогресс, 1990. 808 с.
8. *Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. Избранные труды.* [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000168/st000.shtml> (дата обращения: 24.05.2019).
9. *Данто А. Аналитическая философия истории.* М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
10. *Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории.* М.: Прогресс, 1977. С. 37–71.

11. Евстигнеева Н. В., Оберемко О. А. Модели анализа нарратива // Южно-российский журнал социальных наук. 2007. № 4. С. 95–107.
12. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
13. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. М.: Прогресс, 1975. С. 37–113.
14. Тюпа В. И. Кто такой нарратор? // Открытая нарратология. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opennar.com/single-post/2015/11/20/%D0%9A%D1%82%D0%BE-%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80> (дата обращения: 19.04.2019).
15. Baumgartner H. M. Erzählung und Theorie in der Geschichte // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Werner-Reimers-Stiftung, Bad Homburg. Beiträge zur Historik. Band 3: Theorie und Erzählung in der Geschichte / Hrsg. von J. Kocka, Th. Nipperdey. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. S. 259–289.
16. Benjamin W. Der Erzähler. Betrachtungen zum Werk Nikolaj Lesskows // Gesammelte Schriften. Bd. 2 / Hrsg. von R. Tiedemann, H. Schweppenhäuser. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1991. S. 438–465.
17. Berkhofer R. F. A behavioral approach to historical analysis. New York; London: The Free Press, 1969. 339 p.
18. Chatman S. Story and discourse. Narrative structure in fiction and film. London: Cornell University Press, 1989. 277 p.
19. Fludernik M. An introduction to narratology. London: Routledge, 2009. 182 p.
20. Forster E. M. Aspects of the novel. London: Penguin Books, 2000. 204 p.
21. Hempel C. Explanation in science and history // Frontiers of Science and Philosophy. London: George Allen & Unwin, 1964. P. 9–19.
22. Köppe T., Kindt T. Erzähltheorie: Eine Einführung. Stuttgart: Reclam, 2014. 294 S.
23. Koschorke A. Wahrheit und Erfindung. Grundzüge einer allgemeinen Erzähltheorie. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 2012. 398 S.
24. Lämmert E. Bauformen des Erzählens. Achte, unveränderte Auflage. Stuttgart: J. B. Metzler, 1955/1993. 296 S.
25. Velleman J. D. Narrative explanation // The Philosophical Review. 2003. Vol. 112. No. 1. P. 1–25.

REFERENCES

1. Aretin K. O. von. Friedrich der Große. Größe und Grenzen eines Preußenkönigs. Freiburg: Herder, 1985. 173 S.
2. Brendler G. Martin Luther: Theologie und Revolution. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1983. 452 S.
3. Engelberg E. Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1991. 711 S.
4. Gall L. Bismarck: Der Weiße Revolutionär. München: Ullstein, 2002. 926 S.
5. Kantzenbach F.-W. Martin Luther. Der bürgerliche Reformator. Göttingen: Musterschmidt, 1972. 104 S.
6. Mittenzwei I. Friedrich II. von Preußen. Eine Biographie. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1987. 250 S.
7. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. 808 s.
8. Vright G. H. fon. Logiko-filosofskie issledovaniya. Izbrannye trudy. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000168/st000.shtml> (data obrashcheniya: 24.05.2019).
9. Danto A. Analiticheskaya filosofiya istorii. M.: Ideya-Press, 2002. 292 s.
10. Drey U. Eshche raz k voprosu ob ob'yasnenii deystviy lyudey v istoricheskoy nauke // Filosofiya i metodologiya istorii. M.: Progress, 1977. S. 37–71.
11. Evstigneeva N. V., Oberemko O. A. Modeli analiza narrativna // Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nyh nauk. 2007. № 4. S. 95–107.
12. Riker P. Vremya i rasskaz. T. 1. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1998. 313 s.
13. Todorov Ts. Poetika // Strukturalizm: «za» i «protiv»: sb. statey. M.: Progress, 1975. S. 37–113.
14. Tyupa V. I. Kto takoy narrator? // Otkrytaya narratologiya. 2015. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.opennar.com/single-post/2015/11/20/%D0%9A%D1%82%D0%BE-%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80> (data obrashcheniya: 19.04.2019).

-
15. *Baumgartner H. M.* Erzählung und Theorie in der Geschichte // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Werner-Reimers-Stiftung, Bad Homburg. Beiträge zur Historik. Band 3: Theorie und Erzählung in der Geschichte / Hrsg. von J. Kocka, Th. Nipperdey. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. S. 259–289.
 16. *Benjamin W.* Der Erzähler. Betrachtungen zum Werk Nikolaj Lesskows // Gesammelte Schriften. Bd. 2 / Hrsg. von R. Tiedemann, H. Schweppenhäuser. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1991. S. 438–465.
 17. *Berkhofer R. F.* A behavioral approach to historical analysis. New York; London: The Free Press, 1969. 339 p.
 18. *Chatman S.* Story and discourse. Narrative structure in fiction and film. London: Cornell University Press, 1989. 277 p.
 19. *Fludernik M.* An introduction to narratology. London: Routledge, 2009. 182 p.
 20. *Forster E. M.* Aspects of the novel. London: Penguin Books, 2000. 204 p.
 21. *Hempel C.* Explanation in science and history // *Frontiers of Science and Philosophy*. London: George Allen & Unwin, 1964. P. 9–19.
 22. *Köppe T., Kindt T.* Erzähltheorie: Eine Einführung. Stuttgart: Reclam, 2014. 294 S.
 23. *Koschorke A.* Wahrheit und Erfindung. Grundzüge einer allgemeinen Erzähltheorie. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 2012. 398 S.
 24. *Lämmert E.* Bauformen des Erzählens. Achte, unveränderte Auflage. Stuttgart: J. B. Metzler, 1955/1993. 296 S.
 25. *Velleman J. D.* Narrative explanation // *The Philosophical Review*. 2003. Vol. 112. No. 1. P. 1–25.